

ЗАХАРОВА М.С.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины,
E-mail: marina-za@tut.by

ЭПИГРАФ КАК СРЕДСТВО МОДЕЛИРОВАНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Настоящая статья посвящена вопросам изучения эпиграфа в диалогическом пространстве художественного текста. В настоящей статье рассматриваются основные положения диалогического подхода к анализу художественного текста и его структурных компонентов (в том числе эпиграфа) и проводится обзор имеющегося объема научных знаний по вопросам изучения диалогических характеристик эпиграфа художественного текста. В работе также приводятся классификации типов диалогических отношений, выделяемых на основе совпадения или расхождения смысловых позиций эпиграфа и текста произведения: унисон (позиции эпиграфа и текста близки); развитие темы (между эпиграфом и текстом возникают отношения темы и вариации); полемика (эпиграф вступает в полемические отношения с текстом произведения); дистанция (предполагает расхождение позиций эпиграфа и текста). На основе обозначенных типов выявляются два основных типа диалогических отношений между эпиграфом и вводимым им корпусом текста: отношения согласования/ эквивалентности/унисонные отношения (позиция эпиграфа не противоречит позиции текста) и отношения рассогласования/ полемики/ оппозиции (позиция эпиграфа противоречит позиции текста). По наличию или отсутствию языковых средств реализации диалогических отношений в системе «эпиграф – текст» в работе разграничиваются эксплицитный (диалогические отношения между эпиграфом и текстом произведения получают выражение на языковом уровне) и имплицитный (характеризуется отсутствием языковых средств выражения диалогических отношений) типы диалогической связи. Основными средствами реализации эксплицитной диалогической связи между эпиграфом и корпусом текста признаются лексико-семантические повторы (полные, модифицированные, синонимические, перифразированные, семные). Исследование проводится на материале 50 коротких рассказов английских и американских писателей XIX–XXвв.

Ключевые слова: эпиграф, художественный текст, типы диалогических отношений, эксплицитная/имплицитная диалогическая связь, лексико-семантический повтор.

THE EPIGRAPH AS A MEANS OF DIALOGICAL RELATIONS IN LITERATURE

***Abstract.** The present article is devoted to the questions of studying of the epigraph in the dialogical context of the text. The article reveals the basis of the dialogical approach to the analysis of the text and its structural components (including the epigraph) and reviews the questions of studying of the dialogical features of the epigraph. It also shows the classifications of the types of dialogical relations on the basis of the semantic positions of the epigraph and the text: unison (the positions of the epigraph and the text are close); the development of a subject (the epigraph and the text have the relations of a subject and a variation); polemic (the epigraph and the text are in polemic relations); distance (the polar positions of the epigraph and the text). On the basis of this classification two main types of dialogical relations between the epigraph and the text are distinguished: equivalence relations (the position of the epigraph doesn't contradict the position of the text) and polemic relations (the position of the epigraph contradicts the position of the text). Two kinds of dialogical interaction in the system "the epigraph – the text" are also distinguished: explicit (dialogical relations between the epigraph and the text show linguistic means of expression) and implicit (characterized by the absence of linguistic means of expression of dialogical relations). The lexico-semantic repetition is considered the key linguistic means of explicit dialogical interaction between the epigraph and the text. The research is based on 50 short stories of the English and American writers of the XIX-XX centuries.*

***Keywords:** epigraph, text, types of dialogical relations, explicit/implicit dialogical interaction, lexico-semantic repetition.*

Художественный текст является традиционным объектом изучения многих поколений исследователей, однако рассмотрение художественного текста в диалогическом аспекте связывают с именем и трудами М.М. Бахтина и его последователей.

Одной из фундаментальных для лингвистики явилась высказанная М.М. Бахтиным мысль о том, что любое речевое построение существует не в вакууме, а всегда обращено к кому-либо. По словам М.М. Бахтина, «ни одно высказывание не может быть ни первым, ни последним. Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено» [Бахтин, 1979, с. 340].

Развивая мысль об обращенности всякого высказывания, М.М.Бахтин отмечает, «что с одной стороны, обращенность высказывания проявляется в его направленности на адресата (разного характера, разных степеней близости, конкретности, осознанности и т.п.), ответное понимание которого адресант ищет и предвосхищает» [Бахтин, 1997, с. 243]. С другой стороны, обращенность высказывания определяется как его способность выступить ответом, реакцией на предшествующие высказывания. Таким образом, одновременная направленность высказывания и вперед к адресату, и назад к существующим до него высказываниям, продуцирует не ограниченную во времени продолжительность языковой коммуникации.

Идея М.М. Бахтина об обращенности любого речевого построения составила основу так называемого «диалогического» понимания художественного текста, как диалога автора произведения с читателем и всей предшествующей литературой и культурой, а свойство текста, проявляющееся в направленности на адресата, получило название диалогичность.

В настоящее время изучение художественного текста в аспекте диалогичности предполагает рассмотрение последнего как совокупности разно-уровневых диалогических отношений, возникающих в результате структурной неоднородности художественного текста, обусловленной наличием в нем так называемых «своих» и «чужих» высказываний, которые, по словам М.М. Бахтина, «оказавшись ограниченными рамками одного контекста и соприкоснувшись на территории общей темы, общей мысли, неизбежно вступают друг с другом в диалогические отношения» [Бахтин, 1997, с. 235].

Диалогический подход к анализу художественного текста обозначил новые направления и в изучении структурных компонентов последнего, в том числе и эпиграфа.

Целью настоящей статьи является анализ имеющегося объема научных знаний по вопросам изучения диалогических

характеристик эпиграфа, а также определение типов и лингвистических средств выражения диалогических отношений между эпиграфом и вводимым им корпусом произведения (на материале англоязычных коротких рассказов XIX – XX вв.).

Анализ научной литературы по вопросам изучения эпиграфа художественного текста показал, что исследование диалогических характеристик эпиграфа представляет собой относительно новое направление исследований. С диалогической точки зрения эпиграф рассматривается как проявление «чужого слова», включенного автором произведения в «свой текст», как «один из способов введения в произведение иной, неавторской точки зрения, иной смысловой позиции» [Кузьмина, 2004, с. 158].

Изучение диалогических характеристик эпиграфа в большинстве случаев сводится к установлению характера диалогических отношений между эпиграфом и следующим за ним текстом. При этом, отмечается, что «диалогическая переключка эпиграфа и текста представляет собой сложный механизм рождения и выражения дифференцированной системы модальных смыслов, связанных с отношением автора произведения к «чужому» слову и отражающих диалог разных смысловых позиций» [там же].

Выявление типов диалогического взаимодействия в системе «эпиграф – текст» традиционно осуществляется на основании близости или расхождения смысловых позиций эпиграфа и вводимого им текста произведения. Так, исходя из совпадения или несовпадения «я» текста произведения и «я» эпиграфа некоторые исследователи разграничивают следующие типы диалогических отношений между эпиграфом и корпусом текста: *унисон* (позиции эпиграфа и текста близки), *развитие темы* (между эпиграфом и текстом возникают отношения темы и вариации), *полемика* (эпиграф вступает в полемические отношения с текстом произведения) и *дистанция* (предполагает расхождение позиций эпиграфа и текста) [Козицкая, 2008].

В наиболее обобщенном виде диалогические отношения между эпиграфом и предваряемым им текстом произведения описываются как отношения *согласия/согласования/эквивалентности* или *унисонные отношения* (позиция эпиграфа не противоречит позиции текста) и отношения *рассогласования/оппозиции* или *полемки* (позиция эпиграфа противоречит позиции текста) [Кузьмина, 2004]. При этом, обращается внимание на положение, высказанное еще М.М. Бахтиным, о том, что формы *согласия* и *рассогласования* могут приобретать «бесконечные градации и оттенки» [Бахтин, 1997, с. 239].

Помимо этого, по наличию или отсутствию языковых средств реализации диалогических отношений в системе «эпиграф – текст» разграничивают *эксплицитный* и *имплицитный* тип диалогической связи между эпиграфом и текстом произведения. Диалогические отношения с *имплицитным* типом диалогической связи характеризуются отсутствием лингвистических средств выражения диалогических отношений, а *эксплицитный* тип диалогической связи подразумевает наличие языковых средств выражения диалогических отношений между эпиграфом и текстом произведения.

Одним из показателей наличия диалогических отношений между эпиграфом и текстом произведения на языковом уровне являются различные *лексико-семантические повторы* лексем из эпиграфа в тексте произведения: *полные* (дословная передача в тексте произведения лексической единицы из эпиграфа), *модифицированные* (наличие в тексте произведения лексемы из эпиграфа с изменением грамматической формы), *синонимичные* (синонимическая замена лексемы из эпиграфа в тексте произведения), *перифразированные* (косвенное упоминание лексемы из эпиграфа в корпусе текста путем не называния, а описания) и *семные* (повторение в лексемах, присутствующей в эпиграфе и тексте произведения, общей семы).

Следует также отметить, что представленные положения касательно диалогических характеристик эпиграфа отражают результаты исследований данного явления на материале русскоязычной поэзии, оставляя широкое поле для изучения диалогических отношений между эпиграфом и вводимым им текстом произведения в англоязычном художественном тексте.

Для анализа диалогических отношений в системе «эпиграф – текст» в англоязычном прозаическом художественном тексте, а также выявления их лингвистических средств выражения, нами было отобрано (методом сплошной выборки) 50 коротких рассказов английских и американских писателей XIX – XX вв.

Рассмотрим, например, характер диалогических отношений между эпиграфом и вводимым им текстом произведения в коротком рассказе Р. Киплинга «Dray Wara Yow Dee», представляющим собой исповедь главного героя рассказа, взывающего к Всевышнему послать ему возможность отомстить возлюбленному своей молодой жены за опозоренное имя, честь и достоинство. В качестве эпиграфа к рассказу выступает библейское изречение, гласящее, что если местью человека движет ревность, то он не успокоится, пока не наступит час расплаты (**мести**):

*For jealousy is the rage of a man: therefore he will not spare in the day of **vengeance**. – Prov.vi.34. (R. Kipling, Dray Wara Yow Dee, p. 135)*

В ходе анализа текста произведения были установлены три случая полного лексического повтора лексемы **vengeance** в корпусе текста:

*I have trodden every league of the road from Pubbi to this place; and from Nowshera my guide was only the voice and the lust of **vengeance** <...>; And I went south from Shahpur as the kite flies. I dared not turn aside, lest I should miss my **vengeance** – which is my right. <...>; My brother, when the desire of a man is set one thing alone, he fears neither God nor Man nor Devil. If my **vengeance** failed, I would splinter the gates of Paradise with the butt of my gun or I would cut my way into Hell, and I*

would call upon those who govern there for the body of Daoud Shan <...>.
(R. Kipling, *Dray Wara Yow Dee*, p. 142–143)

Был также обнаружен однократный синонимичный повтор обозначенной лексемы в корпусе текста:

*But as it was my shame, so by God the Dispenser of Justice – Allah-al-Mumit – it shall be my own **revenge** <...>.* (R. Kipling, *Dray Wara Yow Dee*, p. 137)

Наличие повторов лексем из эпиграфа в следующем за эпиграфом тексте является показателем эксплицитного типа диалогической связи между эпиграфом и предваряемым им текстом. Помимо этого, приведенные примеры показывают, что контекстуальное употребление лексем из эпиграфа в корпусе текста обеспечивает развитие звучащей в эпиграфе темы **мести**. Так, перемещаясь с места на место (*from Pubbi to this place, from Nowshera ..., I went south from Shahpur...*) главный герой, не испытывая страха ни перед Богом, ни перед человеком (*he fears neither God nor Man*), одержим единственным желанием – жадой **мести** (*the lust of vengeance*). Сила его желания настолько велика, что он готов стучать во врата Ада и Рая (*I would splinter the gates of Paradise with the butt of my gun or I would cut my way into Hell*), для того, чтобы получить тело своего врага (*the body of Daoud Shan*).

Было отмечено, что повтор лексемы из эпиграфа в тексте встречается только в речи главного героя, связывая воедино разбросанные по тексту реплики главного героя и подчеркивая, тем самым, одно направление/ одну точку зрения в повествовании, в данном случае не противоречащую утверждению эпиграфа.

Следовательно, на основании вышеизложенного можно заключить, что повторы лексем из эпиграфа в тексте произведения (полные, синонимичные) выступают средствами выражения эксплицитного типа диалогической связи между эпиграфом и корпусом вводимого им текста. При этом частотность контекстов употребления данной лексемы в тексте обеспечивает дальнейшее развитие заявленной

эпиграфом темы **мести**, не вызывая расхождения позиций эпиграфа и текста и выступая показателем диалогических отношений *согласия/согласования* между эпиграфом и предваряемым им текстом.

Несколько иначе реализуется диалогическая связь между эпиграфом и текстом произведения в рассказе А. Бирса «The Man and the Snake». Эпиграфом к рассказу выступают следующие строки:

It is of veriatabyll report, and attested of so many that there be nowe of wyse and learned none to gaunsaye it, that ye serpent hys eye hath a magnetic propertie that whose falleth into its suasion is drawn forwards in despite of his wille, and perisheth miserabyll by ye creature hys bite. (A. Bierce, The Man and the Snake, p. 207).

Эпиграф гласит, что ни один образованный человек (*nowe of wyse and learned*) не станет отрицать тот факт (*none to gaunsaye it*), что взгляд змеи обладает таким магнетическим действием (*ye serpent hys eye hath a magnetic propertie*), что любой, кто испытал на себе эти чары (*whose falleth into its suasion*), независимо от своей воли, идет навстречу своей неминуемой гибели (*is drawn forwards in despite of his wille*) и погибает от ее укуса (*perisheth miserabyll by ye creature hys bite*).

Тема, заявленная в эпиграфе, находит свое дальнейшее развитие в тексте произведения, в котором описывается гибель одного из героев рассказа от змеиного укуса, произошедшая в доме профессора, занимающегося разведением и изучением змей. Экспликация эпиграфа происходит в результате многочисленных контекстов повторения существительного **serpent** ‘змея’ и существительного **eye** ‘глаз’ в корпусе текста. Например:

*It disclosed, almost directly <...> the coils of a large **serpent** <...>; **The reptile** was of a species with which Brayton was unfamiliar <...>; If not dangerous **the creature** was at least offensive <...> ; Even the taste of our time and country <...> had not fitted the place for **this bit of the***

savage life of the jungle <...> ; *Should the monster follow* <...> ; *In the middle distance a vast serpent* <...> *looked at him with his dead mother's eyes* <...> (A. Bierce, *The Man and the Snake*, p. 209-214).

Трехкратный полный лексический повтор лексемы *serpent* в сочетании с эпитетами (*a large serpent; a vast serpent*), а также многочисленные синонимичные (*the reptile, the creature*) и перифразированные повторы (*this bit of the savage life of the jungle, the monster*) способствуют более детальному описанию питомца профессора, которого один из героев рассказа обнаруживает в своей комнате во время пребывания в доме профессора и от укуса которого погибает. Частотность контекстов повторения лексем из эпиграфа в тексте произведения обеспечивает раскрытие смысла эпиграфа в рамках заданной эпиграфом темы – взгляд змеи обладает некой силой, парализующей и заставляющей жертву идти навстречу своей гибели:

A snake in the bedroom <...> *is not so common a phenomenon* <...>; *The eyes were no longer merely luminous points; they looked into his own with a meaning, a malign significance* <...>; *His first thought was to ring the call bell, but although the bell dangled within easy reach he made no movements toward it* <...> (A. Bierce, *The Man and the Snake*, p. 209-211).

Герой рассказа обнаруживает змею (*a snake in the bedroom*), ее взгляд излучает что-то зловещее (*they looked into his own with a meaning, a malign significance*). Он хотел бы нажать на кнопку звонка и позвонить на помощь (*His first thought was to ring the call bell*), но по какой-то причине этого не делает (*he made no movements toward it*).

В каждом дальнейшем контексте употребления лексемы из эпиграфа в тексте произведения подчеркивается мысль, что герой рассказа находится в плену (*He was again in bondage*) горящих, как солнце (*Its eyes were two dazzling suns*), зловещих (*those baleful eyes*)

глаз змеи, пытается убежать, но с каждым своим движением только оказывается ближе к змее и, в конце концов, погибает:

He lifted his head, stared into those baleful eyes, and was in bondage <...>; Its eyes were not electric sparks, radiating an infinity of luminous needless. Its eyes were two dazzling suns <...>; Brayton lifted his right foot on the floor to step backward. He lifted the foot <...> and thrust it sharply to the floor – an inch in front of the other! <...>; Every movement left him a little nearer to the snake <...>; Brayton lay upon his stomach on the floor, dead <...>. (A. Bierce, The Man and the Snake, p. 213–215).

Ироническое переосмысление описываемых в рассказе событий связано с последним предложением в тексте, в котором говорится о том, что змея оказалась чучелом с пуговицами вместо глаз:

It was a stuffed snake; its eyes were two shoe buttons <...> (A. Bierce, The Man and the Snake, p. 217).

Сочетание лексемы *snake* с эпитетом *stuffed* (набитый, не настоящий) в рассматриваемом примере заставляет переосмыслить произведение и ставит под сомнение серьезность описываемых в рассказе событий, придавая, тем самым, несколько ироническое звучание не только рассказу, но и заявленному в эпиграфе утверждению.

Следовательно, как и в предыдущем примере, диалогические отношения между эпиграфом и текстом произведения имеют эксплицитное выражение, а языковыми средствами реализации данного типа диалогической связи выступает конвергенция лексико-семантических повторов (полных, синонимичных, перефразированных). Частотность контекстов повторения лексем из эпиграфа в корпусе текста обеспечивает дальнейшее развитие в тексте произведения темы, заявленной эпиграфом, но, в конечном итоге, приводит к рассогласованию позиций эпиграфа и текста, что, в свою очередь, выступает показателем диалогических отношений несогласия/рассогласования между эпиграфом и вводимым им текстом произведения.

Результаты исследования 50 англоязычных коротких рассказов XIX–XX вв. позволяют сделать вывод о том, что в абсолютном большинстве рассмотренных примеров диалогические отношения между эпиграфом и вводимым им текстом произведения носят эксплицитный характер (95,4%), а лингвистическими средствами выражения эксплицитной диалогической связи выступают лексико-семантические повторы лексем из эпиграфа в корпусе текста (полные, модифицированные, синонимичные, перефразированные, семные). При этом, количество и комбинаторика последних варьируется в каждом конкретном случае. Проведенное исследование также показало, что в большинстве отобранных для анализа примеров диалогические отношения между эпиграфом и вводимым им корпусом текста могут быть охарактеризованы как отношения согласия (98%), которое, приобретая разные оттенки и формы (позиции текста и эпиграфа близки; между эпиграфом и текстом возникают отношения темы и вариации, эпиграф и текст произведения находятся в вопросно-ответных отношениях и т.д.), выступает показателем того, что заявленная эпиграфом позиция, в целом, не противоречит позиции текста произведения.

Литература:

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Русская словесность [под общ. ред. В.П. Нерознака]. М.: «Academia», 1997. С. 227–244.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 417 с.
3. Козицкая Е.А. Эпиграф и текст: о механизме смыслообразования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.uchcom.botik.ru/az/lit/coll/litext5/cont.htm> (дата обращения: 22.02.2008).
4. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. 2-е изд. М.: УРСС, 2004. 272 с.
5. Bierce A. The Man and the Snake: Tales and Fables. Moscow: Progress Publishers, 1982. P. 207–217.
6. Kipling R. Dray Wara Yow Dee: Collected Stories. London: David Campbell Publishers Ltd, 1994. P. 135–144.